

Приглашение на прогулку

... Уехать в Париж,
Чудо-город Париж.
Вот, без сомненья,
Амура творенье*.

Г. Аполлинер

... Бреду сам не зная куда
Со старую книгой над Сенной,
А боль, как речная вода
С ее бесконечною сменой —
И дни мои словно года**.

Г. Аполлинер

Чаще всего в моей нынешней парижской жизни (а ее набежало уже больше трех десятилетий) мне приходится гулять по французской столице с приезжими друзьями. Гуляем, говорим о том о сем, обычно о самом Париже (который я вызываюсь показать), но и о прочем тоже. Прочим являются Франция и, конечно, Россия, страна, где я родился, учился, работал, жил, любил, порой даже женился и путешествовал долгие полвека, — моя страна. Страна, где я и сейчас печатаю книги, куда возвращаюсь — навестить сына, друзей и самые дорогие

* Перевод М. Кудимова.

** Перевод А. Гелескула.

могилы на кладбище близ Кольцевой... Поэтому ничего удивительного, что и в наших прогулках по Парижу город для нас прежде всего связан с чем-нибудь русским. Это вовсе не натяжка, не «установка» или случайность. Да и звучит это в Париже вполне естественно: Париж, он космополит, со всем миром связан, а с русским-то далеко не в последнюю очередь.

Доводилось мне, конечно, бродить по этому городу и в одиночестве. «Какая это радость, что судьба меня случайно уродила пешим», — воскликнул русский поэт. Понятно, что на своих двоих за краткую нашу жизнь не всюду дотопаешь, но уж в Париже-то гулять надо только пешком. Он, во-первых, невелик, «собственно Париж»: от собора Нотр-Дам, от которого ведут счет километрам во Франции, до окружного бульвара всего-то четыре километра. К тому же он так насыщен памятниками и воспоминаниями, что, даже на велосипеде едучи, рискуешь пропустить что-нибудь важное.

Когда я набредал во время одиноких прогулок на что-нибудь меня волнующее, я досадовал, что не могу поделиться с друзьями. Впрочем, позднее и на эту неразделенность нашлось средство: меня пригласили рассказывать о парижских прогулках в русских передачах Французского международного радио (РФИ). Лет двадцать без перерыву рассказывал (под псевдонимом, изобретенным однажды В. Набоковым для однократного использования, — Василий Шишков). Потом близкое мне еще со времен переводческой моей работы московское издательство «Радуга» (я в нем публиковал переводы с английского — Ивлин Во, Бэнвил, Пинтер) помогло мне пригласить на прогулку и тех, кому ехать в Париж пока еще не на что, некогда или просто не пришло время, а заодно и тех, кто вообще предпочитает путешествовать, не выходя из дому (это и есть настоящий читатель). Ну и, конечно, тех, кто уже собрался ехать в Париж, — ищет русского гида-рассказчика. Так

появилась книжка — вот она перед вами. «Лежит сучает», — как говорил Зощенко...

Недавно одна милая московская редакторша порадовала меня, сообщив, что гуляла по Люксембургскому саду с моей книжкой про Ахматову и Модильяни. Какой же автор не возрадуется, такое услышав? Хотя я, впрочем, вовсе не уверен, что можно гулять по Парижу с книжкой в руках (неприменно на что-нибудь наступишь!). А вот когда считаешь перед поездкой, то потом вспоминаешь на ходу, восхищаясь своей цепкой памятью: «Ах, бульвар Сен-Мишель, да, да... Это здесь наш агент Шварцбард убил ихнего Петлюру!..» «Ах, так это за этими гардинами муж Марины занимался шпионажем... Занавески прекрасные... Но бедная женщина! Доля ты русская...» «Это вот тут они все кофе пили? Все эмигранты? А с ними Жерар Филип? Давай и мы выпьем. Одино живем...»

Можно читать наш путеводитель и после поездки. Читаешь, вспоминаешь, все заново переживаешь — будто новая поездка, почти бесплатная: «Помнишь Латинский квартал, где везде народ, мясо, мясо, греки, греки, бутерброды ценой в половину папиной пенсии? Оказывается, туда как раз д'Артаньян и приходил к этой своей, у которой муж был никудышный...»

В поездку путеводитель надо брать с собой для вечернего чтения. В самолете делать выписки: «Улица Бюсси, дом 12...»

Но все-таки, наверное, лучше читать книгу после поездки. Возникает желание снова поехать. А раз есть желание, непременно поедешь. Главное в жизни — желания, цените их, они первыми и увядают. Помните, как Хемингуэй?.. Про это, впрочем, тоже есть в моей книжке. В ней много чего есть. Хотя может кое-чего и не оказаться. Кто способен объять необъятное? А Париж, он как море...

Вот мы и в Париже... С чего начнем?

«Очарование Парижа овладевает вами внезапно, как только вы прикоснетесь к парижской земле. И овладевает навсегда. Но только в том случае, если вы знали Париж и любили его задолго до этой встречи.

Для знающего Париж по книгам, по живописи, по всей сумме знаний о нем этот город открывается сразу, как бы покрытый бронзовым отсветом его величавой истории, блеском славы и человеческого гения, обаянием любимых имен, шумом версальских парков, сумраком всегда несколько загадочного Лувра, кипением его пылких народных толп.

Человек же, ничего не знающий о Париже, воспримет его как нечто шумное, утомительное и во многом непонятное».

К. Паустовский

Еще два слова в похвалу пешему хождению

Роясь недавно по старой московской привычке на парижском книжном развале, я обнаружил сразу три новых путеводителя по Парижу и его окрестностям для любителей пеших прогулок: «Париж пешком», «Пешком по окрестностям Парижа» и, наконец, «Зеленый пояс Иль-де-Франс». От этой находки у меня создалось впечатление, что из всех рекомендаций, содержащихся в армейском марше Руже де Лиля (он же французский национальный гимн «Марсельеза»), для потомков наиболее актуальным оказался настойчивый призыв реф-

рена: «Идемте, идемте... », то есть шагай, шагай! Что современные парижане и делают с большим рвением. Одни из любви к пешему хождению, другие по необходимости, третьи из нежелания окончательно отравлять воздух столицы выхлопными газами, а кроме того, торчать в пробках, а потом мучительно долго искать стоянку, четвертые, наконец, из любопытства и любви к родному городу, который, право же, достоин любви. Разумеется, пешеходные прогулки любят не одни французы. В русской поэзии, и старой и новой, та же любовь нашла достойное отражение. «В век сплошных скоропадских, роковых — слава славному братству пешехожих ступней». Это Марина Цветаева, которая исходила парижские пригороды Медон, Кламар, Ванв, до того Сен-Жиль, а до того — чешские леса под Прагой, а до того — окрестности Коктебеля и Тарусы. Марине вторил и знаменитый пешеход Пастернак, обошедший вдоль и поперек окрестности Переделкина, ныне одной из московских окраин.

Летая из Парижа в Москву и обратно, я более обычного общался с попутчиками-экскурсантами (в Париж с группой — из Парижа с группой). Разговоры с ними зачастую так огорчают меня, что я тут же, в самолете, принимаюсь чертить для них схемы пеших прогулок по Парижу. А разговаривая с теми, кто летит обратно в Москву, я часто убеждался, что большинство из них ограничились в Париже дежурной «автобусной прогулкой» по городу, а не исходили его пешком по заранее продуманным маршрутам; другие вдобавок совсем мало знали о Париже, когда отправлялись на экскурсию. А ведь, помнится, в те времена, когда выехать за рубеж было так трудно, русские, и сидя дома, поражали заезжих французов своим знанием Парижа, французской культуры, литературы, французских песен. Кстати, во французских песнях, там ведь не только про одни Елисейские Поля, там и про Большие Бульвары, и про Менильмонтан, про мосты и Сену...

Париж буквально создан для пеших прогулок. Он ведь сравнительно невелик, а на улицах его и площадях через каждые двести-триста метров вас ждет сюрприз. От северной до южной границы города можно дошагать пешком за полдня. Скажем, если идти со скоростью 5 километров в час от Городка Науки и Промышленности у заставы Ла-Вилетт на северном конце города, то до парка Монсури у его южной границы можно пройти за четыре-пять часов. И чего только вы не увидите на своем пути! И Городок Науки с новым Городком Музыки (все суперсовременное), и прекрасный холм с парком Бют де Шомон (откуда Александр I смотрел на побежденный город), и православный храм со знаменитым богословским институтом на Сергиевском подворье, и канал Сен-Мартен, и больницу Святого Людовика, и площадь Республики, и квартал Тамплиеров в удивительном районе Маре с его множеством дворцов и музеев, и набережную Сены, и остров Сен-Луи, и остров Сите с Консьержери, собором Нотр-Дам, Дворцом правосудия и Сен-Шапель, и лабиринт Латинского квартала, и гору Святой Женеьевы, и Пантеон, и многое-многое другое.

Можно пройти с запада Парижа к его восточной границе, от Булонского леса до Венсенского — мимо Эйфелевой башни и Дома Инвалидов — к Люксембургскому саду и к новой, но уже успевшей стать знаменитой (хотя, на мой взгляд, не слишком интересной) библиотеке имени Миттерана, а дальше — под сень леса, к Венсенскому замку...

Конечно, самое лучшее — еще до поездки отыскать на карте свою гостиницу и придумать для себя маршруты прогулок, короткие и длинные. Недавно моими попутчицами в самолете из Петербурга в Париж оказались две девушки — Наташа и Таня. Они рассказали, что будут жить в «Гранд-отеле Гоблен» на бульваре Сен-Марсель. Порадовавшись за поколение, которое спо-

собно заработать на «Гранд-отель» и на Париж, я начертил для них маршруты утренних, вечерних и всех прочих прогулок близ гостиницы: пятнадцатиминутной до памятника Жанне д'Арк, фонтанчика-«уолласа», до больницы Сальпетриер с ее часовней Святого Людовика, до Парка растений и Аустерлицкого вокзала. Утренней, получасовой, — до мануфактуры гобеленов, завлекшей на целый день Петра Великого, а потом и Павла I, до русской библиотеки, основанной Тургеневым, до церкви Сен-Медар, до рю Муфтар с утренним базаром, до площади Контрэскарп. Или от дома, где жил Хемингуэй (а напротив — Декарт), по улице Кардинала Лемуана, а потом по улице Хлодвиг до Пантеона и горы Святой Женевьевы. Ну а если есть в запасе еще час-другой, то и вниз: от церкви Святого Этьена на Горе вниз к Сене, по лабиринту очаровательных улочек Латинского квартала — по улицам Лагранжа и Голанда к храму Святого Юлиана Бедного, к улице Бюшри, книжной лавке «Шекспир и Компания», к собору Нотр-Дам, потом по пешеходному мосту, что за собором Парижской Богоматери, на остров Святого Людовика и дальше — в квартал Маре...

Питерские девочки позвонили мне перед отъездом, благодарили за маршруты и за пеший Париж. Они были в восторге (а ведь мне доводилось встречать в самолете Париж—Москва и горько разочарованных, тех, кто Парижа в Париже не нашел).

Восторг молодых туристок меня не удивил. Я и сам после тридцати лет жизни в Париже пользуюсь любым случаем погулять по удивительным этим местам и каждый раз нахожу что-нибудь новое для себя. Да и настоящие парижане, те, кто здесь родился, получают удовольствие от пеших прогулок по родному городу. Вот что сказал корреспонденту одной из столичных газет писатель Эрик Орсена (тот самый, что работал

спичрайтером у президента Миттерана, проще говоря, писал за него тексты выступлений):

«Если придется сменить профессию, я могу стать таксистом, потому что Париж знаю как свои пять пальцев. Я брожу один, без телефона, так чтобы со мной нельзя было связаться, брожу по Парижу с тех пор, как мать купила мне первую пару ботинок, которые скоро стали разношенными, как штиблеты Чарли Чаплина. Больше всего на свете меня интересует жизнь улицы. Скоро уже я обзаведусь, как Чаплин, тросточкой и котелком, чтобы прикрыть лысину. Я отношусь к типу фланеров-наблюдателей, изучающих все бесполезное. Я фланер, потому что бреду туда, куда несет меня попутный ветер... И при этом я наблюдатель... Пешая прогулка — это отличная доза кокаина, которая побуждает к размышлениям, не слишком раздражая ноздри».

Так гуляет писатель, бродивший некогда по «коридорам власти».

Солидный академик Морис Ренс гуляет по-своему:

«Я хожу пешком в Академию, потому что пешком удобнее и приятнее... Для меня гулять по столице все равно что листать книгу воспоминаний. Со временем воспоминания о добрых и плохих днях моей жизни словно прилипают к фасадам. Хорошие — к домам, окружающим Марсово поле: дома у подножия Эйфелевой башни напоминают о моем друге Поле Моране. Он там жил. Я заходил за ним, и мы гуляли вместе, беседуя. Среди дурных воспоминаний — то, как я был арестован немцами. Я вспоминаю об этом, когда прохожу мимо моей прежней квартиры на авеню Фош».

Писатель Жак Ланцман заявил, что любит гулять без плана и любит терять дорогу — что в Париже, что в Непале...

Ну а мы, которые не были в Непале и не дружили с французскими академиками? Что нам могут напомнить улицы и дома Парижа? Тоже многое... Мопассана и Бунина, д'Артаньяна и Арамиса, даму с камелиями и

королеву Марго, Дюма-отца и Гюго, инспектора Мегрэ и Растиньяка, Жерара Филипа и Эдит Пиаф, Нижинского и Дягилева, возлюбленную царя Катю Долгорукую и княжну Тараканову, Тургенева и Набокова, Петлюру и Махно, Брижит Бардо и Жака Тати, Бориса Вильде и Бориса Поплавского, Ренуара-отца и Ренуара-сына, Ходасевича и Цветаеву, Достоевского и Газданова, Ван Гога и Гогена, Наполеона и его победителя царя Александра I, Жореса и Флобера... Все они жили здесь. А может, еще и живут... Город-то все тот же...